Литературная гостиная АГ

Николай Иванович ФОТЬЕВ — один из тех, кто стоял у истоков создания Амурской писательской организации и был в числе первых наших земляков, кто был принят в Союз писателей СССР. Диапазон творчества его очень широк: сатира, лирика, проза.

С произведениями ФОТЬЕВА амурцы встречались на страницах областных газет.

Сегодня Николаю Ивановичу Фотьеву — 65 лет. Пора мудрости, житейской зрелости, осмысления прошлого и настоящего, попытка заглянуть в будущее. Желаем ему здоровья, радости и творческого долголетия.

ОСОБАЯ ЗАБОТА

В одной из отдаленных рощ
Хозяйством правил Бобр. При этом
Он не просил кого-либо помочь
И не ходил к начальству за советом.
А между тем всем было ясно,
Что он дела ведет прекрасно.
Начальство затревожилось:
«Опасно!
Коль все в лесу вот так начнут
Самостоятельно трудиться,
Да без начальства обходиться,
Так нас за дураков сочтут,
За дармоедов, за балласт,
Отнимут привилегии и власть...».
И все, кто усмотрел в Бобре беду,
Взялись дудеть в одну дуду:
— Конечно, Бобр не глуп.
К тому ж, трудяга.
Но как он устает, бедняга!!!
Какой тяжелый тянет гуж!
Без всякой помощи к тому ж.
Нет, так нельзя! Он выбьется из сил,
Уронит в грязь свое лицо!..
И постарались сделать все,
Чтоб он однажды взвыл и...помощь
запросил.

ПУТИ-ДОРОГИ

— Соседи! Люди! Мужики! —
взывал Артем,
Доколе нам кружным путем
Ходить за ключевой водицей?!
Ведь стоит нам лишь потрудиться
И мы дорогу новую пробьем,
Что будет раза в три короче!
— Оно, конечно, так, —
кряхтели мужики, —
Да больно много пней, камней
и кочек.
А это, брат, не пустяки.
Пойдешь, споткнешься, упадешь,
Да воду всю и разольешь...
— Так мы же все помехи уберем,
Расчистим путь! — доказывал Артем.
А те свое: «Споткнемся... упадем.
Уж лучше так... кружным путем...».
Махнул на них рукой Артем
и в одиночку
Давай рубить, где пень, где кочку,
Где камни убирать. И понемногу
Построил новую дорогу.

Есть люди: на словах да на бумаге
Полны дерзаний и отваги.
А позови к делам благим,
куда-нибудь,
Так подавай им гладкий путь.

ВОЖАК

Как водится, у ездовых собак
в упряжке
Фигурой главной был Вожак.
И вот он начал проявлять замашки,
Которые терпеть нельзя никак.
Упряжка возмутилась. Но пока
Публично не бранила Вожака.
Одна лишь Жучка, что была
Хозяину особенно мила,
И знала, что он ей — надежная
защита,
Ругала Вожака везде, открыто,
Рычала громко, лаяла сердито.
Хозяин оценил достойно жучкин
пыл:
Вожак на цепь посажен был,
А Жучка стала вожаком.
И в тот же день
С разгону налетев на пень,
Аварию упряжка потерпела.
Хозяин скреб затылок,
сетуя весьма:
— Ну, Жучка! В горло кость тебе!
Эхма!
Рычать да лаять ты умела.
Рычать да лаять много ль надобно
ума.
А вот чтоб с толком делать дело...

НЕ КО ДВОРУ

В кругу сородичей, знакомых
и друзей
Кабан справлял какой-то юбилей.
Все гости до отвала ели, пили
И всячески хозяина хвалили.
Один лишь Вол, задумавшись,
молчал.
— Ты что? — промолвила Корова, —
Все хвалят Кабана, а ты — ни слова.
И Вол, как бы очнувшись, замычал:
— Да братцы... Что и говорить...
Кабан умеет землю рыть,
Умеет дебри проходить и чащи,
И желуди искать, и всякий корешок.
Однако же, того... имеет запашок.
И если б мылся он почаще...
— Ты что?!! — зашикало застолье,
—очумел?!
У Кабана в гостях ешь-пьешь,
Да на него ж помои льешь!
Да как ты мог?! Да как ты смел?!
Смутился Вол, потупился. И вскоре
Покинул хлебосольное подворье.

Иной поет кому-то льстивую муру,
И, глядь: он друг его и фаворит.
А тот, кто правду говорит,
Не ко двору.

ЧУШКИ

Задумав покрестьянствовать,
Корней
Соорудил сарай, станки, кормушки,
На рынке закупил свиней
И стал откармливать. А чушки
Такую развели в сарае грязь,
Какую наш Корней не видел
отродясь.
— Нет, свинок тут не гоже
содержать, —
Решил Корней и стал сооружать
Для чушек более добротный дом.
Но оказалось, что и в нем
Не стало меньше вони и грязищи.
И снова сетовал Корней.
И, наконец,
Построил для свиней почти дворец.
Но глядь: и там не стало чище...

Давным-давно замечено уже:
Живи ты хоть во храме золотом,
Но если ничего святого нет в душе,
Не перестанешь быть... скотом.

В ОДНОЙ ЛАДЬЕ

Одно укромное местечко
В ненастье залило водой.
И там лежавшая дощечка
Всплыла и стала вроде как ладьей
Для тутошних жуков, жучков,
Букашек, паучков...
Казалось бы, подобное несчастье
Должно было заставить обрести
В делах и помыслах согласье,
И все начнут усиленно грести
К ближайшим твердым берегам.
А тут, черт знает что! Базар.
Бедлам.
— Беда! — вопят, — беда. Вода!..
И все гребут вразлад. Один — туда,
Другой — сюда,
А третий — в сторону свою, свою,
свою.
И крутят, дергают ладью.
А та стоит себе на месте.
Но коли так, то много ль чести?
И снова — толкотня, возня, дебаты,
Ажиотаж сверх всякой нормы...

Точь-в-точь, как иные депутаты
Проводят в жизнь назревшие
реформы.

ОДНОЛЮБ

— Люблю ее! — рыдал Фома, —
Люблю! А мне велят ее оставить!..
— Сочувствую, браток, сочувствую
весьма, —
Жалел Фому сосед Астафий, —
Легко ли позабыть молодку,
Коль ты в нее влюбился без ума!?
— Да не молодку я люблю,
а во-одку!
Обиделся Фома.

ОПАСНЫЙ ГРИБ

Средь лета, на лесной полянке,
Где бледные росли поганки,
Вдруг вымахал огромный
Белый гриб.
И сразу же услышал крик:
— Ты что за фрукт?! Ты кто такой,
Что так вознесся над толпой,
И важно так раздался вширь?!
Подумаешь, нашелся богатырь!
Да ты же вместе с нами рос —
На той же почве и на той же
пище.
И неча задирать тут нос!
И неча выставлять плечищи!
Давай-ка скромненько ужмись,
Да вровень с нами опустись,
Да сделайся, как мы во всем!
Иначе — катись отселе колесом!
Нам не с руки с таким якшаться
хватом!..
Короче, был предъявлен ультиматум.
Гриб слишком был велик.
Поганочкам лесным
И вправду было не с руки
Стоять в соседстве близком с ним —
Так были все невзрачны и мелки.

Так для пигмея нехорош гигант,
А для бездарности — талант.

НАРОДНЫЙ ЗАЩИТНИК

С высокого помоста, пред толпой,
Ревел оратор записной:
— Товарищи! Сограждане! Друзья!
Ну что за жизнь? Что за дела?!
То пищи не хватает, то питья,
То денег нет, то теплого угла!
А чтобы жизнь иной была —
Не нищей, да голодной,
А сытой и свободной,
Чтоб нам завидовал весь свет,
Должны сказать мы дружно: «Нет!»
Теперешней житухе!..
И дальше, больше, в том же духе.
Когда ж замолк оратор, наконец,
Ручонку из толпы поднял мадец:
— Скажите, дяденька... товарищ
дядя,
А что и как нам делать надо,
Чтобы завидовал весь свет?
И наш наставник, и наш трибун
в ответ
Невнятно пробурчал себе под
нос:
— Ну это, брат, другой вопрос...

Иной о всем толкует смело
И важно держится весьма.
А вот спроси, как делать дело,
Так глядь: ни знаний, ни ума.

ТРИ ПУТИ

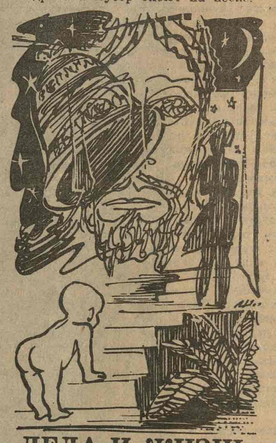
Есть три пути, чтоб как-то жить:
Трудиться, воровать, просить.
Но, если б каждый жил трудясь,
а не иначе,
Во много раз мы жили бы богаче.

СЛОВО

Когда живешь в плену земного,
Когда сомненье душу гложет,
Как много значит чье-то слово,
Что вдруг прозреть тебе поможет!
Увидишь то, чего не видел,
И мир покажется иным.
И, может статься, некий идол
Предстанет жалким и смешным.
Пусть люди бьются за богатство,
И там, и тут срывают куш,
Но нет цены дороже братства
Высоких душ, открытых душ.
Пусть где-то благ невпроворот,
Но будет жизнь пустой и нищей,
Коль не востребует народ
То, что зовут духовной пищей.

* * *

Не сетуй, друг, что много всякой
дряни
Всплывает на поверхность бытия,
Что не могли предвидеть мы
заране
Того, что видим нынче ты и я.
Так с каждым половодьем,
непременно,
Быстрей всего всплывают там и тут
Какой-то мусор, дрянь и пена
И впереди всего плывут, плывут.
Но вот спадают и светлеют воды
И вниз и вверх, по створам, по реке
Свершают путь ладьи и теплоходы.
А дрянь и мусор тлеют на песке.



ДЕЛА И ЖИЗНЬ

Дела минувших поколений
Всегда служили тут и там,
Как восходящие ступени
К иным делам и временам.
Но, как ни шла бы жизнь от века,
Каким бы ни был знаний свет,
Без обновленья человека,
Вперед и выше ходу нет.
Жизнь отцвела бы и скончалась
Без новых взлетов и идей,
Когда б она не обновлялась
Святым пришествием детей.
Никто б не смог ее сберечь,
Игра не стоила бы свеч.

* * *

Порой в ночи я слышу звуки:
Как будто колокол звонит.
О чем — о встрече иль разлуке
Он сладкозвучно говорит?
Что в нем — покой или тревога,
Иль чья-то скорбь в ночной тиши?
А может это голос Бога
Из глубины моей души?

МОЯ ДЕРЕВЕНЬКА

Сюда, где не был я давненько,
Как пилигрим свершил я путь...
А-у! Родная деревенька!
А-у, откликнись кто-нибудь,
Хранит молчание округа.
Мол, деревеньки нет как нет.
Лишь мимолетная пичуга
Мне что-то свистнула в ответ.
И я стою незванным гостем,
Шепчу печальные слова.
А тишина, как на погосте,
И выше пояса трава.
Душа стенает виновато,
Как будто я в какой-то срок
Все то, что было тут когда-то,
Не доглядел, не уберег.
Кого винить? Их слишком много,
Святых сиротствующих мест.
В них боль России и тревога,
И обжигающий протест.
Нет ни крестов, ни обелисков.
Но в тихой скорби каждый день
Витают тени наших близких
На месте бывших деревень.
Я опускаюсь на колена,
Беру на память праха горсть:
Будь навсегда благословенна
Земля, где жил я, словно, гость!

ВАНЮХА

НА ВЕРШИНЕ сухого дерева, высоко подняв маленькую аккуратную головку, сидела сизая с рыжинкой на груди и шейке дикая голубка. Внизу под деревом лежал узкий длинная заводь, окаймленная густым кустарником, а на ней, покачивалась, белела маленькая лодка. В лодке шевелился человек, теребивший какую-то длинную нить или проволоку. Поодаль блестела широкая река.

Обычно, проверяя перемет, Ванюха Улин не глядел по сторонам. Тем более не глядел вверх. А тут как будто кто-то заставил поднять глаза именно на это, единственное здесь сухое и самое высокое дерево. И увидел Ванюха голубку. Увидел и умилился, радостно трепыхнулось что-то в груди. Голубка была так изящна, мила и безобидна, и такое что-то близкое, родное было во всей ее гладенькой фигурке, что Ванюха замер, и, счастливо улыбаясь, неотрывно глядел на нее.

— Да ты еще совсем молоденькая, доверчивая и глупенькая, — ласково вполголоса сказал Ванюха, имея ввиду, что дикие голуби очень осторожны и пугливы. И вдруг ощутил, как новая волна плеснулась в груди — волна неясной тоски, тревоги и жалости к чему-то. А голубка, чуть кивнув, тихо сорвалась с вершины дерева и улетела.

Расскажи кому-нибудь Ванюха, что испытал он, глядя на голубку, так на смех бы подняли, наверно. Ванюха и без того довольно часто удивлял кого-нибудь то словом, то поступком, то отношением к чему-либо. Иные махали на него рукой или напрямую смеялись. Ванюха, он и есть Ванюха. Еще с детства потащилось за ним, — не Ваня, не Иван, а именно — Ванюха. Вот и недавно Ванюха вроде как начудил — удивил приятеля. Выпили они. Тот лег на диванчик отдохнуть, а Ванюха стал прохаживаться по квартире. И заглянул в боковую комнатку. А там сидит старушка на кровати и вяжет чулок. Как магнитом потянуло к ней Ванюху. Подсел он к ней, обнимает, гладит и плачет тихими благостными слезами. Ты, говорит, так похожа на покойную мою матушку! В таком виде и застал его отдохнувший приятель. И — давай удивляться: «Да ты что, Ванюха!? Перебрал, что ли? Ну, учудил!..».

Ванюхе потом неловко было. Чего доброго, приятель да и старушка восприняли слезы его не как чувствительность не как добрую его память о матушке, а как пьяные нюни. «Водка плачет, водка».

Ванюхина матушка, когда жива была, частенько говорила: «Ты, Ванька, вылитый дед Исай. Тот как начнет жалеть кого-нибудь, — слезу пустит. Особо старых да малых жалел. И живность всякую, мелочь. И не только жалел, но и понимал как-то по-своему. И его мелочь-то понимала...».

В школе и потом, когда работал в разных коллективах, баловался Ванюха сочинением стишков. Не стихов, а именно стишков про кого-нибудь и про что-нибудь. И про себя тоже. Это были шуточные куплеты, вроде частушек. Однако ж, когда его просили сочинить что-нибудь в честь чьего-либо дня рождения или по случаю торжественной даты, он сильно сердился. И это тоже давало повод считать Ванюху странным.

Ну а что же голубка?.. Ох. «Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты...». Всего-то, может, несколько секунд продолжалось это «виденье», а в душе ванюхиной, в памяти сердечной сотворилось нечто такое, что никакими словами не объяснишь. Может, полжизни сразу вспомнилось, предстало, засветилось скопом. И если бы все удалось как-то разделить, разложить по полочкам, то рассказывать или объяснять что к чему, наверно, пришлось бы не один день. А тут вот так — вдруг, залпом, в одно мгновение и столько всего! И, конечно же, все удержать перед мысленным взором никак было невозможно. И уже в следующие мгновенья много кой-чего важного, дорогого, близкого сердцу отхлынуло, рассеялось, угасло. Осталось только то, что чаще и больше мучило, томило, звало...

В ЭТИ места Ванюха приехал лет семь назад. Здесь тогда кипела «стройка века» — прокладывалась железная дорога. Ванюха шоферил на самосвале, неплохо зарабатывал. Как и все строители, он имел право на получение легковой машины и в конце-концов получил ее. Но вот пик стройки был пройден. Стройка стала вроде бы не такой уж важной. Люди стали разъезжаться. Первыми улепетнули всякого рода рвачи, прихлебатели, шарамыги, которым труднее стало прятаться за шум-гром, за многолюдье и громкие лозунги. Ну, а Ванюха остался, хотя и его в ту пору страшно потянуло домой, в родной город. Теперь он работал не на самой стройке, а в новом здешнем лесопромхозе. Места тут неплохие. Горные холодные речки с хорошей рыбкой. И большая горная река тут же. В лесу грибов да ягод сколько угодно. И народ остался не всякий, а как бы отборный.

Зарабатывал он и теперь неплохо, жил в приличной квартире. Жил пока один. Дни, когда мучился, тосковал, стонал по ночам, остались позади. Вроде одолел грусть-тоску. Вроде прижился здесь. Вроде успокоился...

А приехал он сюда, по правде сказать, не столько по собственной воле, сколько под давлением, как говорят, некоторых обстоятельств. Он сбежал... от любви, о которой до сих пор никому не сказал ни слова.

Тогда он шоферил в родном своем городе, небольшом, уютном, больше деревянном. Жил в собственном доме, почти в центре города вдвоем с престарелой матерью, которую в глаза называл мама, а в разговорах с людьми — матушка. В этом доме родились и старшие — брат и сестра, и он «заскребыш». Отец не дождался его рождения. Простудился и умер от пневмонии. А матушка была уже немолодой, когда родила его. И раньше прибаливала, а теперь стала болеть почти постоянно. Потому и пенсию хорошую не заработала. Однако ж, как бы там ни было, и старшие — Гришка и Полинка, и он, Ванюха, закончили по семь классов, после чего и отправился каждый в самостоятельное плавание по «бурному морю жизни». И так вышло, что не старшие, а Ванюха «заскребыш», в конце-концов оказался кормильцем больной матери. Казалось бы, какой ей резон жить с неженатым сыном, который довольно часто и надолго отлучался из дому. То есть в дальние рейсы семейные шоферы не ездили. Выбирали таких, как Ванюха, необремененных. Ванюху же всякий раз выбирала и матушка, когда приходилось ей решать, где и с кем жить. А, может, ей дом оставлять не хотелось. И умерла она в том же доме, можно сказать на руках у Ванюхи. И потому, наверное, что он всегда жил с матерью, которая все тревожилась за него и поругивала, как мальчишку за что-нибудь, переживал Ванюха смерть ее очень сильно. Гришке с Полинкой, наверно, полегче было. Они поотвыкли от матери, живя в отдалении, своими семьями и заботами.

ПО ШОФЕРСКОМУ делу ездить Ванюхе приходилось и по дороге, от которой в сторону кладбища уходил довольно накатанный сворот. И всякий раз он испытывал тут особенно сильно и печаль, и жалость. Там, где напрямую от большой дороги до последнего пристанища матушки было самое короткое расстояние. Ванюха продолжительно сигналил. И тот, кто ехал сзади, впереди или навстречу, не понимал, в чем дело, не знал, к чему это. Знал только он. Именно на этом отрезке дороги в уме у Ванюхи, слово к слову, зародилось и отчасти сложилось что-то вроде причитания: «От большой дороги в сторону отошла дорога малая. Отошла и разветвилася по кладбищенским проулочкам. Как по этой по дороженьке, в пору летнюю погожую, в путь последний моя матушка отбывала бездыханная. С той поры мне все-то кажется, что она, моя родимая, где-то держится все рядышком, неземная, невидимая. Колыхнет ли ветер веточку, или травка закачается. То она дает мне весточку, то она со мной встречается. Запоет ли где-то пташечка, да напев печальный сложатся, то горюет моя матушка, обо мне она тревожится...».

МАЯСЬ один, в опустевшем доме, Ванюха понимал умом, что надо теперь что-то делать: «То ли пускать квартирантов, то ли жениться». Но пускать кого попало не хотелось и жениться лишь бы жениться — тоже не хотелось. Вот тут-то и встретилась она...

Раньше ее не было в городе. Во всяком случае, Ванюха не встречал ее ни на улице где-либо, ни в присутственных местах. Позже выяснилось, что приехала она издалека с маленьким мальчиком, с которым и жила теперь одна в деревянном домике на две квартиры. С мужем то ли разошлась, то ли бросила его, ибо ее бросить, как полагал Ванюха, никак было невозможно — такая она была беззащитная, хрупкая и вместе с тем гордая, строгая, божественно красивая. Да еще с ребенком!

Была уже поздняя осень. После очередного долгого рейса он, малость в подпитии, шел к своему пустующему дому. В одном из соседних дворов, в котором раньше всегда было безлюдно, заметил он, как ему показалось, молоденькую девчонку. Сломавшись в пояснице, она тюкала топором продольные обрезки досок, которые обычно заденево продавались на ДОКе. Что-то остановило Ванюху, заставило присмотреться. Потюкав, девчонка отложила топор, натолкала в помойное ведерко полешек и пошла с этим ведерком в сторону калитки, за которой стоял Ванюха. Тут он и рассмотрел: не девчонка. Женщина молодая. Бледнолицая, простоволосая, в спортивной куртчонке, в суконных тапочках и теплых чулках, она была такая какая-то домашняя, ладная и еще Бог знает какая! Прелесть! Но больше всего Ванюху поразили глаза — не синие, не голубые, а как бы сиреневые, невероятно ясные. И строгая она была, как икона.

— А я хотел было помочь вам дровишек нарубить, — сказал он простецки и громко.

Она строго глянула на него, отвернулась и поднялась на крылечко, которое, как заметил Ванюха, появилось тут недавно. Крылечко, дверь в сенцы и сами сенцы были из новеньких струганых досок. А раньше этого ничего не было. Значит, новая жиличка потребовала себе отдельный от соседей вход в свою квартирку.

— Уж больно вы по-женски тюкали, — улыбаясь продолжал Ванюха.

— А я что не женщина? — ответила она вопросом и очень даже буднично. Так говорят, когда не желают вступать в разговор.

А из сенцев тем временем выглянул светленький мальчик лет пяти и она закричала на него.

— Василий! Я кому запретила босиком выбегать!? Холодно же!..

Мальчик с любопытством стрельнул глазенками на Ванюху и шмыгнул обратно. Ванюха только и успел, что дружески подмигнуть ему. За мальчиком тотчас вошла она и захлопнула дверь.

Вот и все. А запомнилось Ванюхе. Запало в душу. Ладная, хрупкая фигурка, сиреневые ясные-пресные глаза, голос не тонкий, не звонкий, а скорее грудной, тихий, бархатистый чуток. Этакая голубка!

С этого часа всякий раз, проходя мимо, Ванюха замедлял шаги, прислушивался, поглядывал на двор, на сенцы, на окошки. Но нигде ничего желанного долгое время увидеть или услышать не удавалось. Домик был старый, сильно осевший, отчего три больших окна оказались так низко, что если бы их раскрыть, то можно было бы зашагивать в дом прямо с улицы.

ОДНАЖДЫ на своем грузовике Ванюха развозил по разным адресам уголь и дрова. И не сразу поверил глазам, когда в одной из накладных увидел адрес своей соседки. Подкатил сюда Ванюха под самые окна, посигналил и, развернув машину как надо, стал пятить ее к воротам. В окошке раздвинулась штора и кто-то выглянул. Значит, заметили, значит, все шло, как надо.

Она вышла налегке, в накинутом на плечи синем пальтишке с белым голубоватым воротником, который был очень ей к лицу.

— Здравствуй, соседка! — прокричал Ванюха, перекрывая рокот мотора и скрип снега под колесами.

— Здравствуйте, — сказала она довольно сухо и стала открывать ворота.

— К тем вон сарайчикам. Ближняя дверь.

Дверь была раскрыта, сарайчик почти пуст. В углу лежало несколько ломаных дощечек и плохо насаженный ржавый топор.

Ванюхин грузовик не был самосвалом, и топливо обычно сгружали жильцы, для которых он привозил его. А он поторапливал. Дескать, шевелитесь, вы не одни у меня. Но тут... Господи. Разве мог он заставить ее сгружать уголь! Это было бы черт знает что! Кощунство! А вот попутить можно было. И он попутил. Раскрыл борта, стал в сторонке, скрестил, как Наполеон, руки на груди и заявил:

— Моя задача привезти. А разгружает заказчик. Чем быстрей, тем лучше.

Она с ужасом посмотрела на него и тут же заявила, что сейчас побежит к соседям, попросит кого-нибудь помочь, и сама, конечно, тоже будет разгружать. И побежала было.

— Да вы что?! Стойте! — закричал он.—Я попутил. Я сам разгружу. По-соседски.

— Как вас понимать? — спросила и уставилась на него своими строгими сиреневыми глазами.

— Очень просто. Соседи мы или не соседи? — Ванюха указал рукой. — Тут через три дома живу. Да вы же меня видели! Неужели забыли?!

Он хотел сказать: «Неужели забыла», но не посмел почему-то. Такая она была официальная или культурная.

— Не помню.

— Ну, конечно, — Ванюха махнул рукой, — девичья память... Где у вас лопата?

Лопата у нее, как и топор, оказалась никуда негодная. Ванюха с ходу забраковал инструмент и, быстренько сбегав домой, принес лопату-стахановку и приличный топор.

Прямо с машины он сбросал уголь в сарайчик. Потом, чуть отогнав машину, аккуратно подобрал осыпавшийся по сторонам уголь и тоже скидал в кучу.

Она спросила, сколько это будет стоить. Ванюха поднял глаза, и вроде как стал соображать.

— Это будет стоить... значит так... Дадите мне воды помыться. А то видите, какой и стал хороший. Ну и кружечку чая не откажите.

— Ой! Это же надо печку скорее топить. Вы подождете?

— Обойдусь, коли так. Ждать некогда.

Они вошли в дом и Ванюха опять увидел светленького мальчика, которому в тот раз успел подмигнуть.

— А-а, Василий! Вася! Василек — хороший парнек! — И опять подмигнул. Но тут же спохватился чего-то, выбежал за дверь и скоро принес шоколадку, которая у него сохранилась в машине в ящичке рядом с транзистором. Василек не сразу взял ее. Помедлил, поднял глаза на мать.

— Мам, можно?

— Возьми, раз дают, — разрешила она.

Квартирка была, прямо сказать, беднее некуда. Голые стены. Старый диванишка. Тумба с зеркалом на ней. Стол на трех ножках и. всего одна табуретка. Пол, потолок, печка-голландка были так скособочены, что, казалось, вот-вот все это обвалится, рухнет. В углу, между печкой и стенкой, висела одежда, прикрытая каким-то рядном. Правда, тут было много книг, отчего Ванюха даже оробел малость. Одна из стенок сплошь от пола до потолка была оснащена самодельными полками и заставлена книгами. Это надо же!

— Вы что, профессорша? — спросил он, когда помылся и вытерся. — Столько книг!

— Да нет, не профессорша...

— А в библиотеке у мамы еще больше книг. Бо-ольше! — сказал Василек.

— А тебя не спрашивают. Помалкивай, когда взрослые разговаривают, — осадила она мальчика. Тот малость насупился, и Ванюхе стало жаль его.

— И пора уже выговаривать. Что это за библиотека?

— А-а. Вы в библиотеке, значит...

Вот так Ванюха и познакомился с ней. Себя она назвала сухо и официально Наталья Борисовна. К Ванюхе обращалась только на «Вы». И это обязывало и его, Ванюху, соблюдать «культурность». Вообще-то он не помнил, чтобы, кто-нибудь называл его по имени-отчеству. А тут... Иван Лукич! Ни больше ни меньше...

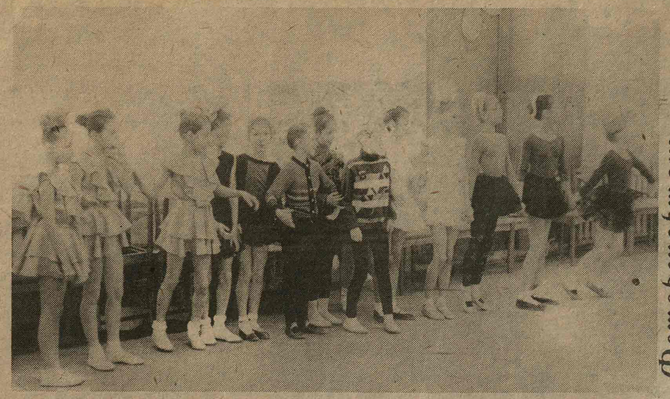
Такая вот оказалась она строгая и культурная. Вскоре Ванюха привез ей и дровишек. Для себя вез и половину чурок свалил у ее ворот, потом стаскал, куда надо. Словом, он стал «ухаживать». И с Васей, с Васильком очень подружился, полюбил его ничуть не меньше, чем ее. Однако какого-либо расположения к себе с ее стороны не было заметно. И его это огорчало.

(Окончание в следующем номере).

ПРИБЛИЖАЕТСЯ долгожданная пора каникул. Почему долгожданная? Все мы, взрослые и дети, любим новогодний праздник с елкой и подарками Деда Мороза.

И хорошо, наверное, что сей праздник так радует детишек, а нас, взрослых, хоть на короткий промежуток времени, но возвращает в детство.

...Много интересного, веселого, познавательного готовится для ребят на время их отдыха. Это и специальная радиопередача «Амурские ребята».



Фоторепортаж

С УТРА ПОРАНЬШЕ

На одном из снимков запечатлены юные дикторы за работой над текстом перед записью.

...Медные зеркала на костюме шамана создавали иллюзию парения над огнем. О том, чему служили другие предметы шаманского наряда, можно будет узнать, придя на одну из многочисленных встреч, подготовленных работниками областного краеведческого музея.

После ремонта, правда, еще незавершенного, распахивает свои двери кукольный театр. Здесь ребята познакомятся с героями сказки «Морозко», а вот сельские ребятишки посмотрят другую сказочку «Новый год и белый кот».

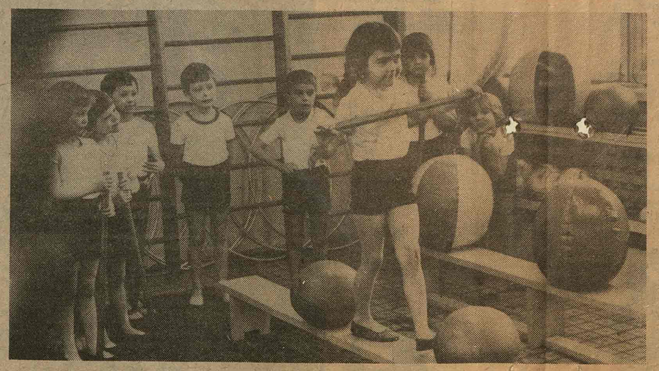
В областном театре драмы и комедии детей ожидает сюрприз. Это своеобразная новинка, подготовленная актерами, и называется она «Буратино вокруг елки».

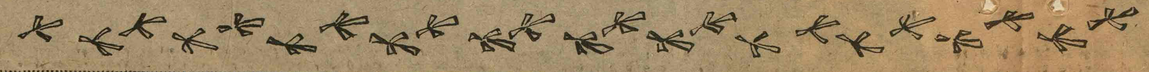
Как вы, наверное, уже догадались сами, что это действо будет в течение двух часов проходить не на сцене.

Готовятся порадовать своим мастерством и «МЫшки» (так ласково называют хореографический ансамбль Дворца профсоюзов).

Следите за рекламой, мамы и папы, бабушки и дедушки, да и вы сами, ребята. Каждый день каникул с утра пораньше всем вам принесет что-то новое, интересное, неизведанное...

В. ПАЛЬКИН.
Корр. «АГ».





(Окончание. Начало в № 51).

Николай ФОТЬЕВ ◆ *РАССКАЗ*

ВАНЮХА

ШЛО ВРЕМЯ, а она была все такой же официальной, строгой, суховатой с ним. Жила все так же бедно. Зарплатишка у библиотекарей была, как оказалось, до смешного маленькая. Да к тому же, правда, нет ли, она и от алиментов на Васю будто бы отказалась. То ли из гордости, то ли уж так шибко поцапалась со своим бывшим.

Через год Вася пошел в школу. А перед этим Ванюха подарил ему ранец с яркими снегирями на лицевой стороне. И, странное дело. Наталья Борисовна рассердилась и почти отругала Ванюху. Для чего и зачем это? Он сильно расстроился и решил, было, совсем не захаживать в этот домик. А меж тем его тянуло сюда все сильнее. Да и Василек то и дело встречался на квартале. В школу идет, из школы, поиграть выбежит. А то с маленьким ведерком бежит к колонке по воду. Вообще Василек настолько стал дорог Ванюхе, что он тосковал по нему. Узнав, когда у него день рождения, Ванюха, выбрав подходящий момент, подарил ему гармошку. Не совсем детскую, не совсем взрослую. И опять не угодил. Опять Наталья Борисовна рассердилась. А когда он подарил ей духи, так она почти брезгливо гмыкнула.

— Фи, наши...

— А что, наши плохие?

— Да уж не сравнишь с французскими...

То есть опять он сел в галошу. И подумалось ему, что это она специально отваживает его. Не ровня он ей и нечего тут... А подарки... Конечно, такой красивой женщине, наверно, многие дарили подарки. И не такие, как Ванюха. Избаловали, поди, совсем. Но с другой стороны: отчего же тогда живет она так бедно? Нет, тут что-то странное. Может, она специально, так сказать, куражится. Или характер такой, что говорит одно, а думает другое.

Ванюха долгое время избегал встречи. А когда случайно столкнулся на улице, она улыбнулась — очень мило улыбнулась и спросила, что это его не видно стало. И он, конечно же, вскоре возник. Вася был в школе. Ванюха набрался храбрости, подсел к ней на диван, обнял и успел слегка поцеловать. Она резко отстранила его, вырвалась, но не рассердилась. И Ванюха был доволен. Это уже было «кое-что». Тут же он сделал ей предложение. Что в самом-то деле! Дом у него получше этого. Пустой, считай. Возраст у них почти одинаковый. Ну, может, Ванюха постарше. С Васильком они друзья. А ее он, чего греха таить, полюбил с первого взгляда. Сердце не обманешь.

— Вы же меня совсем не знаете! — сказала она строго и грустно. — И не надо больше об этом. Не надо, Иван Лукич. Все проходит. Все...

И опять Ванюха долго не был у нее. И, конечно же, опять пришел и сказал то же, что раньше. На этот раз она ответила, что в жены вообще не годится и лучше бы ей пойти в монастырь, а не в жены. Вот так-то...

Ванюха оба ее отказа расценил как женскую стратегию и тактику. «Катя бережно торгуется, все боится передать...». Ну, ничего. Мы подождем.

Опять, выбрав время, сделал предложение.

— Иван Лукич. Я долго с вами не проживу, — сказала она на этот раз, — зачем вам такая... И вообще... Я психованная. Не надо, Иван Лукич. Не обижайтесь.

Когда она сказала «долго не проживу», у него зашлось сердце от печали. Но тут же он понял, что это она дает ему окончательный «отлуп».

— Что ж, — сказал Ванюха. — Бог вам судья. Насильно мил не будешь.

И решил он больше не встречаться ни под каким предлогом, не мозолить ей глаза. А вскоре надумал уехать из города, на эту самую стройку. Дом сдал в аренду другу своему — надежному человеку за небольшую плату.

Перед тем как сесть в самолет, написал коротенькое письмо: «Живя рядом с вами, я никогда не смогу забыть вас. А забыть, как я понимаю, надо. Значит, надо сделать так, чтобы не видеть вас. И вот я уезжаю». Последнее слово ему не понравилось, он переписал письмо-записку и вместо «уезжаю» написал «исчезаю».

И исчез. Чего уж тут. Пройдет лет пять, шесть, семь... Все забудется. Да и она говорила: «Все проходит, все проходит...». Ванюха не был однолюбом, он был долголюб.

Но не прошло, оказывается. И без того в глубине души под спудом новых забот и впечатлений жила память о ней, звала назад. А тут что-то совсем уж стало тоскливо. Да еще эта голубка... Вроде, как живой портрет ее. Такая же аккуратная головка, изящная фигурка. И цвет у птахи был, вроде как сиреневый чуток, как глаза ее... Ох, да разве тут словами объяснишь все?!

Через несколько дней Ванюха испросил отпуск и приехал в родной город. Такси подвез его не с той стороны, где стоял ее домик, а с другой. Друг и жена его встретили Ванюху, как родного. Все это время он переписывался с ними, но не разу не обмолвился о Наталье Борисовне.

После первых опросов да расспросов, после обмена новостями да за обедом с небольшой выпивкой Ванюха прилег и отдохнул с дороги. А к вечеру пошел прогуляться, надев новый костюм. Конечно же, он пошел в ту сторону, где жила она — на самом углу квартала. Идти до туда было не более двухсот шагов. Когда-то он специально считал шаги. Шел и испытывал странное самочувствие. И хотелось сейчас увидеть ее и Васю, и не хотелось. Все же перекипело что-то. Мало ли что произошло в жизни их за эти семь лет. Лучше было бы, если бы они как-то окольно узнали о его приезде, как-то случайно.

Он шел, сознательно не поднимая глаз и не глядя по сторонам. Шел, как чужой озабоченный человек. Так он должен был пройти до угла и только там, если ни с кем из знакомых не столкнется и никто не окликнет его, он остановится и оглянется.

Он прошел это знакомое расстояние, остановился и оглянулся. И не сразу понял, что произошло тут. Домика на углу не было. Зияли две полузаваленные штукатуркой и мусором ямы — бывшие подполья. Вокруг валялись обломки кирпича и гнилушек от старых бревен. Ни ворот, ни сарая во дворе не было, густо нарос бурьян. По-прежнему стоял у ворот лишь тополь и тогда уже старый, а теперь совершенно засохший. На одном из сухих, обломанных сучьев что-то висело.

Вот оно что... Вот оно... Значит, она переселилась куда-то. Домик сломали, наверно, еще в прошлом году или позапрошлом, о чем говорил бурьян. Где же она теперь? Поди замуж вышла. А может, вернулась к мужу. Васе отец нужен...

Настроение у Ванюхи, прямо сказать, было аховое. Вот так встреча! Господи. Зачем он приехал?! А, впрочем, можно ведь поспрашивать...

Он свернул в проулок и увидел неподалеку новый пятиэтажный дом. У одного из подъездов сидели старушки, и он стал спрашивать, не сюда ли, не в этот ли дом переселились жильцы углового домика, который теперь сломан. Но толком никто ничего не знал. Может, сюда, а может, и нет. Он повернул назад и еще раз остановился там, где был двор. Поднял глаза на засохший тополь, который каким-то образом напоминал ему, что и его любовь, считай, засохла на корню. И вдруг он понял, что на сучке не что-нибудь висело, а та самая гармошка, которую он однажды подарил Васильку. Почему-то больно стало на сердце. Неужели Василек вот так взял да и зашвырнул туда гармошку — Василек которого он любил всем сердцем, как родного человечка. Правда, Василек теперь повзрослел и мог забыть Ванюху. А гармошка износилась, пришла в негодность. Но все равно как-то не так бы, что ли. Нет, нет, Василек не мог ее зашвырнуть. Это другой кто-то...

Пока он стоял, испытывая довольно сложное чувство, от калитки соседнего дома его окликнули.

— Чо смотришь-та? Тут, говорят, большой дом ставить будут.

Ванюха пошел на голос. У калитки на лавочке сидела древняя старушка, одетая не по-летнему. Пальто, валенки...

Он поздоровался и спросил, не знает ли она, куда переселили жильцов сломанного домика.

— Дак тута две семьи жило. Молодые муж с женой да вдовая какая-то или разведенная с сынишкой.

— В библиотеке она работала, — подсказал Ванюха.

— Ага, говорили, что там она работала-то.

— А квартиру где ей дали? Или уехала куда-то?

— Ох, милый. И дали, и уехала... Я тоже скоро уеду туда. Болею, вот...

Что-то странное было в ее словах, но Ванюха не придал им значения.

— Вы микрорайон имеете в виду?

— Раен, раен тот, — она вздохнула, покачала головой, — тот самый раен.

— А где это?

Она посмотрела пристально и сквозь слезы сказала:

— Да на восьмом километре, милый!.. Второй год уж...

— Ка-ак?! — вырвалось у Ванюхи. — Она!? Умерла?!— Белый свет померк перед Ванюхой и весь мир пустым ему показался сейчас.

— Говорят, больная была, а не жаловалась. И ни с кем не якшалась, раз знала о скорой смерти... О, господи!..

Поплакав, старушка рассказала, что на похороны приезжали ее родители. Славные такие старички, белые, как два грибочка. А муж, отец сынишкин, так и не приехал. Говорят, телеграмму ему давали.

Ванюха опустился рядом на лавочку. Он тихо плакал, глядя куда-то в сумерки. Заметив это, старушка дотронулась до него и спросила.

— Да уж не ты ли мужик-то ее?

Он неопределенно покачал головой и ничего не ответил.

От старушки он узнал, что родители Натальи Борисовны живут не так далеко, в деревне. И Вася теперь живет там.

За ночь он передумал много. И жизнь свою перебрал по косточкам, и все, что было с Наташей связано. Ее теперь он не хотел звать-величать, как прежде, по имени-отчеству. Ближе к сердцу было: Наташа.

Собственно, он не спал в эту ночь. Забылся только утром и во сне увидел ее как бы в образе той голубки. Она была на этот раз веселая, радостная и красивая, как никогда, но красота ее была какая-то другая. И Василек был с ней, и старики, о которых говорила старушка. Вот старички-то и побудили Ванюху вспомнить о похоронах... И он в ужасе проснулся.

Когда занялся день, он отправился на кладбище, чувствуя себя сильно виноватым и перед матушкой, и перед Наташей.

Тогда, семь лет назад, перед отъездом на стройку, он заменил на матушкиной могилке деревянный крестик на гранитный обелиск. Знакомые ребята отлили из дюралюминия православный крестик и дощечку-эпитафию. Слава Богу, все было в целости. Обелиск стоял прямехонько. Только травы наросло много. Увидев этот обелиск, Ванюха испытал такой прилив тепла и радости и даже счастья, какие испытывал разве что в детстве, когда в одиночестве долго ждал маму и плакал, случалось, и вот она приходила, и он со всех ног кидался к ней. Такое же что-то испытал однажды во сне, когда дремал во время перекура за рулем: открылась какая-то дверь, и тихо вошла усталая, согбенная матушка, одетая очень бедно. Он кинулся к ней, обнял, прижал к груди. Неизъяснимая радость разлилась от головы до пят.

Выдергав траву на могилке и сделав остальное, что надлежало, он постоял перед обелиском, поклонился и, сказав: «Спи спокойно, матушка. Я никогда тебя не забуду», меж оградок вышел на дорогу, разделявшую кладбище надвое. Одна половина кладбища была «заселена» уже до отказа. Вторая только отчасти. На этой второй половине оградок уже не ставили на могилках и они открыто тянулись ровными рядами от одного края к другому. Тут он и стал искать Наташину могилку. Искать надо было там, где хоронили года два назад. Там, среди осевших и подправленных, ухоженных и забытых могил, он и нашел ее последнее пристанище.

У нее был невысокий, несколько скошенный обелиск из мрамора... На нем значилась как бы развернутая книга, а на ней — ее фотография. У Ванюхи зашлось сердце: такой одинокой, такой сиротинушкой показалась ему эта фотокарточка! И зачем уж... Зачем фотографию клеят на обелиски! Чужим людям они тут не нужны. А родные и близкие и так помнят, пока живут. И дома хранят фотографии. Зачем же тут-то? Господи...

Фотография была вмонтирована в керамический ободок. И хоть она была цветная и сделана неплохо, но не передавала и десятой доли той предести, какая была в живой Наташе. На фото глаза были вовсе не сиреневые, а темно-серые. Лицо в жизни было бледноватое. А тут, видите ли, румяное. Зачем?!.

«Прости, — шептал Ванюха, — прости. Я виноват перед тобой. Не надо было мне уезжать-исчезать. Может, все было бы по-другому. Может, я спас бы тебя...

В этот день, по дороге к автобусной остановке он размышлял: «Поеду, уволюсь, машину перегоню. Здесь буду жить. Не надо мне никуда уезжать отсюда... Съезжу к ее старикам, Васю повидаю. Может, ему пора в техникуме учиться или в институте, здесь, в городе. Пусть живет у меня. Мне будет не в тягость, а в радость...».

Автобус ждать пришлось долго. И все это время Ванюха поглядывал на скворцов, идущий на кладбище, и повторял про себя: «Как по этой по дороженьке...».